

Похвала лжи

А.С. Абрамян
ЕРЕВАН

Человек, если ему угодно (а ему угодно каждый раз, когда кажется, что это будет способствовать его цели), может также преднамеренно проповедовать ложные идеи, т.е. лгать... В обществах животных такие явления не могут иметь места, так как животные оценивают нечто как благо или зло на основании собственного ощущения, а не на основании чужих жалоб, причины которых они не способны понимать, не видя их.

Томас Гоббс

Я – человек! Не чуждо человеческое мне ничто.

Хремет (по Публию Теренцию Афру)

Все мы обманываем, обманываем и обманываем; и все мы обмануты и обмануты.

Гарасим Замбахов (по Габриелу Сундукяну)

По данным толковых словарей разных языков¹, действительность – объективно существующее; она, кроме этого, истинна, тогда как истина, непосредственно противопоставляемая лжи, трактуется как соответствующая действительности, а не как сама действительность, т.е. считается чем-то отличным от действительности. Таким образом, истина – это еще не действительность. С другой стороны, ложь – это не соответствующее действительности или не

¹ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1991; Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981–1984; *Агаян Э.Б.* Толковый словарь современного армянского языка. Ереван, 1976 (на армян. яз.); Толковый словарь современного армянского языка: Т. 1–4. Ереван, 1969–1980 (на армян. яз.); *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, 2006; Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Publishers, 2002.

существующее в действительности, т.е. выдуманное. Выдумать, значит создать то, чего не было. Действительность, существующая до человека – природа. В действительности (в природе) не было подзорной трубы, си-минорной мессы Баха, пороха, «Рождения Венеры» Тициана, пуговицы, «Одиссеи» Гомера и слов, использованных в ней, двигателя внутреннего сгорания. Все это было создано (выдумано).

Внешне все началось с первого орудия труда. Существо, занимающее клеточку, отведенную ему в таксономии видов животного мира, однажды поняло, что можно точить камень и рыть землю, используя вещь, которая раньше не существовала. Отказавшись от естественного ради удобства, оно вышло из своей клеточки естественного вида и оказалось не только вне этой клеточки, но и вне природы вообще. Тип, предпочитающий искусственное естественному, не может уместиться среди естественных видов. Продолжая жить в природе, оно перестало быть ее частью. Природа из среды стала окружающей средой. Началась история культуры. Пещеру заменила хижина, шкуру – одежда, дерево, сожженное молнией, – костер. А после того, как появилась вареная пища, изгнание из рая природы стало неотвратимым. Самец стал мужем, самка – женой, детеныш – ребенком. Бывшее животное стало человеком. В процессе этой метаморфозы оно научилось рисовать, лепить, танцевать, петь и – самое главное – говорить.

Весь процесс возникновения и развития культуры – это рост ранее не существовавшего, постепенное удаление от природы (первичной истины) путем выдумывания все новых и новых «реальностей». Выдуманное – ложь с точки зрения природы. Дилемма между естественной (природной) истиной и искусственной ложью разрешается в пользу последней. Ложь становится краеугольным камнем культуры, основополагающим принципом культурной стратегии.

Идеей множественности возможных миров фактически констатируется возможность лжи. Истина – соответствие между выдуманным и реальным мирами, но не их совпадение: это всего лишь параллельные миры, т.е. сама истина не реальна в буквальном смысле, она есть порождение ума. В свое время за признание именно этого факта так яростно боролся, вооружившись бритвой, Оккам. А признание этого факта неизбежно приводит к признанию общего происхождения истины и лжи.

Параллельные реальному или просто смежные с ним миры – знаковые миры, так как человек – существо знаковое (по Кассиреру, «символическое животное»¹). В знаке очевидной «ложью» является означающее, которое придумывается-создается. Основанием обращения к знакам служит предположение о реальности означаемого. Конечно, реальность означаемого весьма относительна: пользуясь знаком, мы верим, что означаемое даже если не реально, то хотя бы связано с реальностью, соответствует (параллельно) реальности или, в крайнем случае, какому-либо другому миру, т.е. что хотя бы для какого-либо мира оно истинно. Таким образом, относительна не только реальность

¹ Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 472.

означаемого, но и его истинность. Не случайно, Моррис, рассуждая об истинности знаков, пишет «истинны» в кавычках¹.

Первый (или второй после мысли) всеобъемлющий знаковый мир – это язык, который создается как модель реального мира. Человек верит в этот выдуманный им же самим мир настолько, что, считая его реальным или истинным, начинает выдумывать (лгать) уже в нем. Начинается языковая игра в гораздо более широком смысле, чем имел в виду Витгенштейн². Любая речь, произнесение любого звука, установление любой смысловой связи уже есть игра. Но такая доля игры достаточна на заре языкотворчества: ее хватает, чтобы не задремала языковая энергия, не затвердела вязкая масса языковой глины, не гас колышущийся языковой пламень. А когда уже накоплен достаточный языковой запас (эргон), игра переносится из области корнетворчества в область текстообразования. Коммуникативная языковая игра – часть общей культурной игры (игры в культуру). Игра проникает во все сферы человеческой деятельности (всегда являющейся культурной деятельностью). Внутреннее родство культуры и игры основано на их общем элементе – лжи. Игра, вымысел, шутка, творчество, ложь – это все по сути одно и то же, но с разными акцентировками. Хейзинга определяет человека как «человека играющего»³; синонимом этого может быть «человек лгущий».

Человек, имеющий в своем распоряжении язык, творит, не только не заботясь о соблюдении одно-однозначного соответствия реальности, но и все чаще и чаще заботясь о совершении отклонений от этого соответствия, так как творчество должно отличаться от практического общения, где допустимо довольствоваться истиной, и воплотить истину, используя в качестве инструмента ложь – вымысел. Ложь как творчество (и творчество как ложь) обретает неотразимое очарование.

Лжец желает быть свободным от любых ограничений. Не ведая беспредельности истины, он ищет беспредельность во лжи. В основе лжи таким образом, лежит безудержная любовь и бескомпромиссная тяга к полнейшей свободе, не ограниченной ничем, даже истиной. Лжец рушит все оковы, в том числе оковы единственной истины. Ложь есть результат стремления к одной из величайших идей – к идее свободы⁴. Однако у лжеца гипертрофированное чувство свободы. Понимание свободы как вседозволенности в этом случае, как и во всех остальных, приводит к отсутствию всякого регулирования – к анархии. Фактически ложь – это эпистемологическо-коммуникативное поведение, ориентированное на свободу, но с анархическим уклоном. Опьяненный чувством беспредельной свободы, лжец в искусстве или в быту невозмутимо пересекает

¹ См.: Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983. С. 65.

² Ср.: Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. I. С. 83 и сл.

³ Хейзинга Й. Homo ludens // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 6.

⁴ Ср. рассуждения Хейзинги о соотносительности свободы и игры (см.: Там же. С. 16).

шаткую грань между истиной и ложью, преследуя творческую или корыстную цель.

Критерии истинности, установленные логиками, по сути являются правилами ограничения лжи, которые, к великой радости имеющих склонность ко лжи, действуют в незначительной части высказываний. То, что говорится, определено, следовательно, принадлежит или миру истины, или миру лжи. Но сказанное имеет большую (не в психологическом, а в чисто количественном отношении) вероятность несоответствия действительности, так как истина представляет, как правило, всего одну из многочисленных возможностей; естественно предположить, что из многих миров, созданных мыслью, параллельным реальному миру будет один, в лучшем случае – несколько.

Высказывание «Сократ сидит» может быть истинным в ограниченном количестве ситуаций. Очевидно, что несравненно больше ситуаций, когда Сократ не сидит, следовательно, сказанное ложно. Высказывание «Сегодня первое января» ложно 364 дня в году. В известной шутке о стоящих часах ничего не говорится о всех тех моментах, когда часы показывают неправильное время, и только гротескная картина перманентного чаепития в сказке Кэрролла показывает, какие могут быть последствия, если в течение всего дня и всех дней считать истинным одно и то же показание часов.

Каждая речь представляет один из многочисленных возможных миров. Речь представляет соответствующий ему мир, который может соответствовать или не соответствовать реальному миру. Речь истинна в своем мире и может быть ложной во всех остальных мирах или в большинстве из них. Поэтому Ансельм Кентерберийский говорил, что такое предложение не ложно: оно истинно, только использовано неправильно¹. В одном из возможных миров оно будет не только истинным, но и правильным.

Точно так же, как каждая речь создает фрагмент мира (соответствующий или не соответствующий реальному), язык представляет целостную картину мира (соответствующего или не соответствующего реальному). Направление моделирования меняется: исходный пункт и результат меняются местами. Язык из модели мира превращается в объект моделирования, соответствующий которому мир становится моделью, представляющую язык². Это означает, что язык становится средством, предоставляющим все новые и новые возможности лжи. Это обстоятельство в разное время удостоивалось внимания в разных аспектах: Бэкон говорил о лжи в языке вообще (четыре идола), Сепир и, особенно, Уорф, рассматривая перспективу, указанную Гумбольдтом, представляют ложь в отдельном языке (лингвистическая относительность), Остин обращается ко лжи в индивидуальной речи (осечки и злоупотребления).

В прагматических исследованиях ложь или не обсуждается, или отбрасывается введением пресуппозиции искренности. Но пресуппозиция искренности

¹ См.: История лингвистических учений: Средневековая Европа. Л., 1985. С. 255–256.

² По всей вероятности, именно это свойство языка послужило основанием для того, что в самых разных религиозных, мифологических, мистических изображениях сотворения мира решающая роль приписывается слову, имеющему созидательную силу.

подобна презумпции невиновности¹, которая ничего не утверждает, кроме того, что ничего нельзя утверждать. Этой презумпцией не различаются виновный и невиновный, а признается необходимость расследования. Точно так же пресуппозицией искренности не различаются говорящий правду и лжец, ложь не предупреждается и не исключается, следовательно, неверно игнорирование возможности лжи на ее основании. Грайс мотивирует вероятность искренности тем, что говорить правду проще, чем придумывать ложь². Однако он не учитывает то далеко невторостепенное обстоятельство, что придумывать ложь может быть интереснее.

Анализ речи, содержащей ложь, показывает, что необходимо учитывать не только цель говорящего, но и ожидания адресата. В классической семиотике (Пирс, Моррис) знак определяется и характеризуется в первую очередь с точки зрения воспринимающего. Благодаря такому подходу становится возможным обратиться к естественным знакам, т.е. знакам, у которых нет отправителя и которые что-то означают «сами по себе», как говорил Августин³; они становятся знаками только благодаря воспринимающему, который дает обыкновенному явлению знаковую интерпретацию (кстати, естественный знак – единственный случай, в отношении которого оправдано применение используемой в разных науках в разнообразных значениях характеристики «человеческое явление природы», причем в буквальном смысле: здесь естественному придается статус человеческого, тогда как все остальные знаки создаются отходом и отрывом от природы).

В отличие от семиотики, прагматика, провозглашающая себя объясняющей процесс коммуникации, концентрирует внимание на говорящем, предаваясь анализу иллокутивных сил. Правда, в прагматике говорится о говорящем и воспринимающем, выделяются связанные с ними иллокутивные и перлокутивные акты. Но все же львиная доля прагматических исследований приходится на иллокутивные акты. Какое-то место перлокутивному акту отводится, но воспринимающему приписывается пассивная роль: речь должна каким-либо образом воздействовать на него, и считается, что это воздействие зависит от обстоятельств речи, а воспринимающий ничего или почти ничего не меняет в нем. В дополнение к семи грехам прагматики, насчитанным Франк⁴, признание воспринимающего недееспособным – восьмой грех прагматики.

¹ Небезынтересно, что иногда прагматические пресуппозиции называют именно презумпциями: см., напр.: Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. С. 38–39.

² См.: Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. С. 224.

³ См.: Блаженный Августин. Христианская наука или Основания Герменевтики и Церковного Красноречия, II, 2 // Творения блаженного Августина, епископа Иппонского. Киев, 1901. Ч. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.golden-ship.ru/load/a/avgustin_blazhennyj/221.

⁴ См.: Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII. С. 363–373.

Результат общения в равной мере зависит от говорящего и собеседника. Говорящий и его собеседник вступают в игру, и говорящий делает первый ход. Обнаружение истины не предопределяется выбранной им тактикой, как в шахматах дебют e2-e4 не гарантирует победы и не обрекает на поражение. Многое определяется тем, каким ходом ответит соперник в шахматах или собеседник в общении.

ГОВОРИТСЯ	ОЖИДАЕТСЯ	ВОСПРИНИМАЕТСЯ
истина	истина	истина
истина	ложь	ложь
ложь	истина	ложь
ложь	ложь	истина

Таблица показывает, что даже неважно, говорит говорящий правду или лжет: в обоих случаях истина может быть обнаружена. Это происходит, если ожидание собеседника совпадает с поведением говорящего.

В таблице представлен простейший случай. Во-первых, это случай, когда совершается выбор между двумя возможностями (обычно ответами «да» и «нет»). При множественных возможностях («специальные», или «местоименные» вопросы) картина усложняется, так как отрицание одной возможности не равноценно утверждению другой. В этом случае обнаружением лжи истина не выясняется: лишь становится ясным, что сказанное – ложь. Кроме этого, таблица построена в расчете на «наивных» общающихся: говорящий не предполагает, что собеседнику известно его намерение, а собеседник не предполагает, что говорящему известно его ожидание. Усложнение первой степени происходит, когда говорящий знает, чего от него ожидают, и строит свою тактику в соответствии с этим, например, зная, что ожидают ложь, говорит правду, которой не верят. Усложнение второй степени происходит, когда собеседник знает, что говорящему известно, чего он ждет, и понимает, что тот сказал правду с целью обмануть его, и т.д.

Таким образом, прагматические пресуппозиции – пресуппозиции только говорящего, тогда как истина и ложь могут быть выяснены, если учитываются также пресуппозиции адресата. Прагматическая адресантоцентричная оценка языковых знаков и их употребления должна быть дополнена первоначально-семиотической, по существу герменевтической, адресантоцентричной оценкой. Сочетание этих двух подходов может стать основой полноценной семиотической оценки.

В основе внешних проявлений процесса возникновения и распространения культуры лежит абстрактное мышление: становится возможным высказать мысль абстрактную, не связанную с ситуацией речи, т.е. говорить о чем-то, имеющем место не в данной ситуации (ложь с ее точки зрения), отсюда – даже о чем-то, вовсе не имеющем место ни в одной ситуации (абсолютная ложь).

Начинается триумфальное шествие лжи от «естественной» мифологии древних до современной компьютерной «мифологии», ключевой мифологемой которой является содержащее оксюморон в самом названии виртуальная реальность. А в разнообразных текстах, лежащих между этими краями, первое,

или высочайшее, место занимает сказка, обладающая исключительным даром, наподобие Харону спокойно перейти с одного берега реки, разделяющей реальный и нереальный миры, на другой. Со временем сказка претерпевает изменения. В XX веке сказка (иногда под другим названием, но с той же сущностью) меняет традиционную направленность слияния двух миров. Если, скажем, в сказках Гофмана фантастическое врывается в реальность и становится настолько же реальным, то, например, Булгаков делает реальность настолько фантастической, что вызывает серьезное недоверие к обычной реальности; по меньшей мере, читатель начинает с некоторым опасением поглядывать на проходящие трамваи, цирковые представления и особенно на незнакомцев в клетчатых пиджачках. В более семиотических терминах это можно выразить так: если у Гофмана сказка денотирует реальный мир и коннотирует мир фантастический, то текст Булгакова денотирует фантастический мир, а реальный мир выступает как его коннотативный придаток, в силу своей периферийности зависимый от него и могущий существовать только как его отголосок¹.

Не остается в стороне и наука, во все времена считающаяся гарантом неприкосновенности истины. Чтобы при отходе от прежних позиций не потерять лицо, наука меняет само понятие истины. Позитивизм убирает из поля зрения мировоззренческие («метафизические») вопросы, неопозитивизм – также и реальность. Физика и метафизика отбрасываются, остается логика без физического основания и метафизического обоснования. Но если убрать объект (реальность) и моральную сторону вопроса (мировоззрение) – два стимула стремления к истине и два ее щита, то, скажем, цирюльник и палач окажутся одним и тем же, так как выполняют одинаковые процедуры, просто в отношении разных объектов и с разной мотивацией.

Среди всех наук одна математика удостоена права называться «точной». Она меньше остальных подвержена перипетиям реальных ситуаций и событий. Она целиком основана на аксиомах, ею же установленных. Именно аксиоматичность и независимость от реальности считаются привлекательными в математике. Речь идет не о применении математического аппарата, а об образе мышления – абстрактно-математическом мировосприятии, а это значит – об узаконенной безграничной возможности лжи, о ее аксиоматизации.

Сбывается пророчество Декарта. Провозглашается верховенство дедуктивного метода. Дедукция, являющаяся необходимой частью любого знания и любой науки, раздувается до размеров всего научного знания. Вопрос о соотношении истины и лжи обсуждается уже в рамочной конструкции мысли. Наука, изначально бывшая мирозерцающей, становится самозерцающей².

¹ Используя же стилистическую терминологию, можно сказать, что у Гофмана фантастический мир выступает в качестве метафоры реального мира, а у Булгакова реальность становится метафорой, отсылающей к фантастическому миру.

² Быть может, именно потому и семиотика обладает огромной притягательной силой, что она спасает от затворничества в замке собственной науки, не вывешивает лозунга «Моя наука – моя крепость», а наоборот, перекидывает мосты через все пропасти, потому что для нее *все есть знак всего*. И именно

Такая наука становится вездесущей, ибо заранее знает, что найдет: именно то и только то, что сама же постулировала. О таком даже мечтать не посмели бы средневековые реалисты, стремящиеся подтвердить реальность *также мысли*, а не *только мысли*. Как нельзя лучше подходит сюда созданный Новалисом по другому поводу блестящий кошмарный (такое тоже бывает!) образ мельницы, перемалывающей саму себя.

Речь здесь не о каком-то направлении в философии начала прошлого века или, что еще хуже, конца позапрошлого, а о произошедшей тогда кардинальной перемене в отношении научного знания к проблемам истины и лжи – перемене, во многом сохраняющей свою силу до сих пор. И Фосслер, пытающийся защитить филологию от натиска нового образа мышления, остается эстетствующим интеллигентом из прошлого, заблудившимся в новой эпохе.

Но совсем необязательно придумывать глобальную ложь. Для того, чтобы отойти от действительности, достаточно менять одну из ее координат – простран

Придумываются города и области; вспомним хотя бы Макондо Маркеса, Йокнапатофу Фолкнера, Олинджер Апдайка. Это уже не то же самое, что неопределенное «тридевятое царство, тридешатое государство» или «городок N»: специально формируется иллюзия, что эти местности в реальности имеют такое определенное расположение, что при желании можно будет найти их на карте. Создание территорий не ограничивается сушей: осваиваются также море и небо. Если Мор и Кампанелла довольствовались рассказами о находящемся где-то острове, то Свифт поднимает свой остров в воздух, Жюль Верн отправляет его в плавание. Более того, придумываются целые планеты. Но все это – робкие попытки лжи по сравнению с космогоническими замашками Его Компьютерного Величества, принявшего титул и трон от руки человека. Виртуальное пространство, будучи созданным как дополнение к реальному, постепенно раздувается и начинает претендовать на его место. Миллионы людей переносят свою жизнь в виртуальное пространство, не замечая, что это всего лишь двухмерная плоскость на мониторе. Каждый из типов пространства навязывает свои особенности (при отсутствии желания углубиться в различные типы геометрии, чтобы убедиться в этом, можно ограничиться обращением к блистательному изображению этой закономерности ученым-сказочником Доджсоном-Кэрроллом). Плоское виртуальное пространство передает свою плоскость протекающей на нем (в этом случае даже невозможно сказать: в нем) жизни и следовательно неизбежно – также и несущим в себе эту жизнь. И не исключено, что в недалеком будущем придет новый Маркузе и напишет свою книгу о двухмерном человеке.

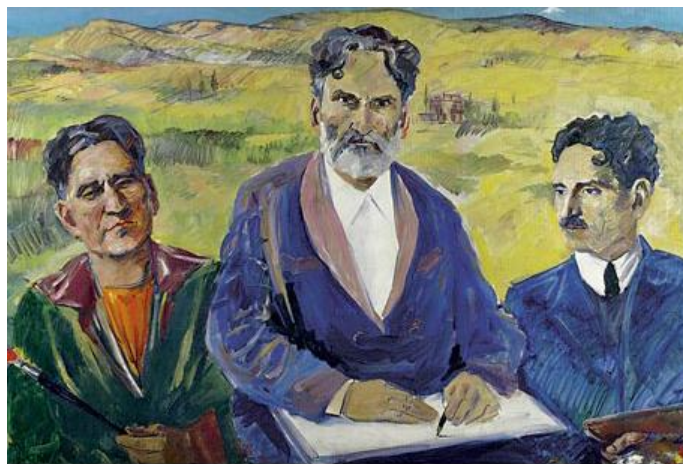
Возможность отрыва от ситуации дают также изменения во времени – обращение к прошлому (воспоминание) или будущему (фантазия).

Возможны также усложненные варианты. Первый шаг – перенесение фантазии в прошлое (типичный представитель – барон фон Мюнхгаузен), перенесение фантазии в настоящее (типичный представитель – Дон Кихот Ламанчский), перенесение воспоминания в настоящее (типичный представи-

поэтому, наверное, невозможно предъявить обвинение в чрезмерной спекулятивности автору «Спекулятивной грамматики» Пирсу.

тель – граф Монте-Кристо), перенесение воспоминания в будущее (на такую возможность относительно истории Христа указывает Камю), ретроспективное распространение настоящего на прошлое (типичный идеолог этого подхода – Экклесиаст), проспективное распространение настоящего на будущее (типичный борец за воплощение этой идеи – Фауст).

Второй шаг – попытки совмещения разных времен, с широкой гаммой возникающих при этом чувств – от созерцательно-эстетического чувства наслаждения при виде такого совмещения пусть на холсте (автопортрет Мартироса Сарьяна «Три возраста» (1942)¹) до переполненного драматизмом чувства безысходности в ситуациях с суровым указанием на недопустимость встречи времен (в «Синей птице» Метерлинка, например) или же с убеждением на горьком опыте в несбыточности надежд на такую встречу («Любовь вне времени» Мануэля Гарсиа-Виньо).

Своеобразный носитель лжи – молчание. Само по себе однозначно не являясь ложью, молчание часто умело применяется как средство, служащее лжи. Оно приобретает значимость лжи в противопоставлении с истиной в ситуациях, когда истина должна быть высказана, но замалчивается². Лосев говорит о бесконечной смысловой валентности языкового знака³. На самом деле языковой знак имеет чрезвычайно широкую смысловую валентность, но действи-

¹ Сарьян, Мартирос. Три возраста [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.saryan.am/collection/popup/8_03.html Дата обращения – 15.01.2012.

² Ср.: «В предельном случае... мы имеем нулевой текст – молчание» (Левин Ю.И. О семиотике лжи // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. Вып. I (5). С. 245).

³ См.: Лосев А.Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 114–124.

тельно бесконечна и безгранична смысловая валентность молчания. Молчание всеобъемлюще: его семантика охватывает все возможности – от еще не высказанного через все сказанное до уже не высказываемого. Оно находится «по ту сторону истины и лжи». Эта всеохватывающая потенция делает молчание тончайшим инструментом в руках лжи, якобы освобождающим от ответственности: молчащий оправдывается тем, что ничего не говорил, следовательно, не говорил и неправды. Оправдывающийся таким образом забывает, что он не говорил также правды, а это значит, что скрыл ее. В данном случае молчать, значит не просто не говорить, а предать молчанию («предать» в буквальном смысле: предать истину). Молчание становится завуалированной, имплицитной ложью. Не случайно Греймас и Курте рассматривают тайну и обман в качестве параллельных сочетаний элементов истины и лжи¹.

Кроме того, что ложь имеет сугубо художественно-творческую ценность, она также служит выявлению истины. По сути дела, истинно то, что не ложно. В этом смысле ложь выступает как отправная точка в постижении истины. И наконец, было бы невозможно по достоинству оценить истину, если бы напротив нее или рядом с ней не было лжи. Природа не знает лжи. Но именно поэтому природа также не знает, что такое истина; она в истине естественно, произвольно, неосознанно. Поиск истины предпринимается человеком – создателем лжи. Этот поиск начинается после того, как возникает ложь, и начинается благодаря тому, что возникает ложь. И по сей день порою (кстати, не так уж редко) именно высказанная ложь заставляет задуматься об истине. Оптимистическая перефразировка английской пословицы могла бы звучать так: ложными утверждениями вымощена дорога к истине.

¹ См.: Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. М., 1983. С. 501.